Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ

Сборник научных статей

ВЫПУСК 8

Ижевск 2009

УДК 81(063)
ББК 81.Оя43
А 437

Рецензент: доктор филологических наук, профессор Т.И.Зеленина

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Актуальные проблемы лингвистики: сб. науч. статей. Вып. 8 /сост. и отв. ред. д.ф.н. А.Х.Мерзлякова. – Ижевск: УдГУ, 2009. – 242с.

Сборник содержит статьи лингвистов и филологов вузов России и других стран. Материалы сборника адресованы специалистам в области лингвистики и филологии, преподавателям, аспирантам, студентам.

УДК 81(063)
ББК 81.Оя43

© Мерзлякова А.Х., составление, 2009
©ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», 2009

Зорина З.И.
Удмуртский государственный университет

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗА ЦАРЯ ИРОДА В РОМАНЕ М. ТУРНЬЕ «КАСПАР, МЕЛЬХИОР И БАЛЬТАЗАР»

Ключевые слова: интертекстуальность, психологизм, метатекстовая функция, культурные штампы, интерпретация.

Аннотация: данная статья посвящена исследованию функции интертекстуальности в романе М.Турнье «Каспар, Мельхиор и Бальтазар».

Каспар, Мельхиор и Бальтазар" – четвертый роман французского писателя Мишеля Турнье (род. 1924). После его публикации о Мишеле Турнье стали говорить как о живой легенде, он стал признанным классиком французской литературы XX века. Для Турнье очень характерно брать всем известные сюжеты. Этим приемом он демонстрирует свой дар смотреть на вещи с другой точки зрения, показать, сколь неожиданной может быть его версия, его прочтение классики или истории. Объектом данного исследования стал феномен интертекстуальности в главе посвященной царю Ироду. Библейский миф о волхвах крайне неинформативен. Как сказано в послесловии романа, о волхвах известно лишь что они пришли с востока, ведомые звездой и принесли три дара. О том, что их было трое, выводят из упомянутых трех даров: золото, ладан и смирна [Библия; Ев. от Мат. 2:1-11]. Остальные сведения, в том числе имена Каспара, Мельхиора и Бальтазара, восходят к апокрифическим текстам и легендам. Иначе обстоит дело с царем Иродом Великим, исторической фигурой, о котором написано очень много – в частности, иудейским историком Иосифом Флавием (37-100 после Р.Х.). Глава, посвященная Ироду, в основном вдохновлена его трудом, а также исследованиями Ажекоба С. Минкина и Герхарда Праузе. Из вышеизложенного становится очевидным, что интертекстуальность у Турнье является специально обозначенным фактором авторского построения текста, так как атрибуция заявлена как в названии романа, так и в главе, посвященной Ироду – «Irode Le Grand». Для нас этот очевидный приём Турнье, важен как звено содержательно значимой формы и как художественная функция. В силу того, что интертекстуальность – понятие многоплановое, мы хотим уточнить, какой тип межтекстовых связей, рассматривается в нашем исследовании – «сознательная цитация, намек, ссылка на творчество писателя» [Томашевский 1924: 210-213] (в нашем случае на текст Библии и исторические сведения Иосифа Флавия и др.), определенным образом трактующие раннее созданные произведения.

Для того чтобы выполнить поставленную художественную задачу, Турнье пришлось изучить огромное количество источников и ученых трудов по истории, археологии, этнографии, истории культуры и искусства и религии. И здесь больше всего Турнье сближается с великим классиком французского реализма Гюставом Флобером, особенно с его историческим романом «Саламбо». Турнье объединяет с Флобером стремление передать своеобразие исторической эпохи во всей ее полноте: не только воспроизвести внешний ход событий, но и раскрыть социальные процессы (проблемы), которые лежат в основе, показать сложное переплетение политических сил, культуру эпохи, нравы, обычаи. Сохранив весь фактический ход событий, пересказанный историками, Турнье добавляет неотъемлемую черту романа – психологизм. В справочных изданиях о Царе Ироде, чье имя с незапамятных времен стало нарицательным, мы можем прочитать широко известные факты: «Ирод - царь Иудейский - управлял Иудеей, тогда Римской провинцией, в 37 до н.э. царь Ирод сделался единоличным владыкой Иудеи и оставался им 32 года, отличался своей дикой свирепостью, и целый ряд жестокостей ознаменовало его 34-летнее царствование (он убил даже собственную жену и трех сыновей» [Павловский1994: 189]. Из Библии нам известна и страшная история об избиении младенцев, которых приказал истребить Ирод, опасаясь, что новорожденный Иисус отнимет со временем его царство. Впрочем, не существует никаких свидетельств, подтверждающих эту распространенную легенду. Тем не менее, в средневековых пьесах Ирод всегда выступает в роли безжалостного тирана. Имя Ирода символизирует самодурство и жестокость. Памятны слова римского императора Октавиана Августа, который, узнав о казни Антипатра, первого сына Ирода, сказал: «Гораздо лучше быть свиньей Ирода, чем его сыном!». Вспомним так же, в драме «Борис Годунов» юродивый говорит знаменитые слова: «Нельзя молиться за Ирода!..». Однако если мы обратимся к историческим сведениям, в частности, к историку Иосифу Флавию, то согласно его летописи, Ирод был мудрым правителем, великим градостроителем (привёл страну к экономическому и культурному процветанию), его щедрость и великодушие не знало границ, он был самым верным другом, любящим сыном и заботливым отцом и.т.д.

Огромная заслуга Турнье состоит в том, что благодаря его роману современный читатель не просто узнает историю кровожадного царя, каким он предстает, в том числе и со страниц Библии, но и заставляет читателя задуматься о причинах, побудивших Ирода убить сыновей, жену и вифлеемских младенцев. Умело лавируя между культурными штампами, легендами и историческими, научными сведениями, Турнье рисует свой неповторимый многогранный, по-своему трагичный, образ Ирода.

Повествование о Великом Ироде начинает вести царь Мельхиор, очевидец событий, не понаслышке знающий о его злодеяниях. С его слов мы узнаем, что это страшное чудовище: «Как ни огромен был дворец, как ни

многочисленна его прислуга, мы не на мгновение не могли забыть, что мы в пещере *огромного хищника*; Или: «…благородное чистое лицо старца составляла разительный контраст с *изможденной кривляющейся маской* – лицом Ирода» (1,122). Колоритный образ Ирода — одаренного правителя хищного, коварного, жестокого, жадного до власти и заживо гниющего человека, пораженного неизлечимой болезнью, — олицетворяет подлость и трусость всех людей жадно стремящихся к власти. Турнье передоверяет повествование герою, достигая точности и тонкого психологизма при сохранении исторической точности. Ирод исповедуется волхвам, потому что они, как и он, цари: «*Я царь, — говорит он, — но я умираю в одиночестве и отчаянии. Вы видите – я больше не могу есть. И при том я голоден. Я умираю от голода! Дайте мне поесть, ради всего святого! – Если бы дело было только в желудке! – Нет, все мои внутренности горят адским пламенем. Когда я испражняюсь, подо мной оказывается гнойная кровавая лужа, где кишат черви. Всю оставшуюся жизнь я буду выть от боли. Но я исступленно цепляюсь за эту жизнь, потому что у меня нет наследника. Иудейскому царству, которое я создал, которое процветало благодаря мне, ибо я обеспечил ему такой длительный мир, какого не знала история человечества, - увы, всему этому – суждена жалкая гибель, ибо нет другого властителя, который был бы равен мне силой и дарованиями!…». «Беда в том, что власть развращает. Я против своей воли превратил людей в предателей. Ибо власть моя огромна…» « он долго молчит, понурив голову…, а когда поднимает лицо, гости с ужасом видят, что оно залито слезами*» (1, 140-141). Но это лишь маленькая толика всей трагедии Ирода, которую Турнье развивает и углубляет с удивительным тщанием, разворачивая перед пораженным, борющимся между сочувствием и отвращением читателем, в подробностях более чем на двадцати страницах рассказывая о том, как царя предала его любимая, а затем и сыновья. Очевидно, что за свои грехи Ирод заслужил место в аду. Однако он не стал дожидаться ада на том свете – и сам устроил его себе в земной жизни. Несмотря на все попытки установить дружеские отношения с народом, которым он правил, иудеи относились к нему с недоверием, так как видели в нём иноземца, римского ставленника и похитителя престола Давидова. Чтобы примирить с собой народ, Ирод женился на Мариамне, внучке первосвященника Гиркана II, стремясь тем самым придать своей династии санкцию кровного родства с домом Давидовым. Ему, однако, так и не удалось установить доверительные отношения с еврейским народом. Даже горячо любимая жена относилась к нему с высокомерием, присущим всем националистам, глупо возвышающимся над другими народностями. Видя невозможность примирения, Ирод задумал сломить оппозицию крутыми и жестокими мерами. Он превратился в жестокого и кровожадного деспота, который беспощадно истреблял всех и всё, в чём только его подозрительный взгляд видел признак крамолы. Важно отметить, что вскользь, наряду с

отрицательными характеристиками Ирода, у Турнье часто встречаются и положительные. Приведем пример: «*Он часто разъезжает по всему Средиземноморью, перенимая космополитические, разносторонние взгляды. Он посылает своих сыновей учиться в Рим. Он любит искусство, игрища, праздники. Он хотел бы превратить Иерусалим в современный город,…*» (1, 140-141). Далее подробно перечисляются множественные заслуги Ирода как действительно сильного, успешного, умного, способного администратора, но из-за своей политики эллинизации не имеющего популярности в еврейской среде. Турнье намеренно переходит на художественно-публицистический стиль, перечисляя, как и историк Флавий, все названия городов, (а их более тридцати), где когда-либо что-либо сделал Ирод. Писатель использует этот стиль для того, чтобы убедить читателя, в том числе в интерпретации исторических фактов. Но чужая культура, в особенности античная, все театры, амфитеатры гимназии, олимпийские игры, статуи и фонтаны глубоко отвратительны ортодоксально настроенным Иудеям. Ирод мстит за нелюбовь, за недоверие. Ужас и величие смешиваются на страницах романа.

В целом тонко и подробно выписанный образ Ирода служит в композиции романа антитезой мечтаниям третьего волхва об идеальном правителе, которым он сам хочет когда-нибудь стать. Знакомство Мельхиора с Иродом и вся драматическая, полная несчастий и предательств история царя, раскрывают волхву и оборотную сторону тех, кто обладает властью. Мельхиор начинает понимать, какие страшные и неприглядные вещи стоят за всем этим великолепием и богатством и на какие сделки с совестью порой согласны идти великие мужи, чтобы обладать властью. Что касается влияния фигуры Ирода на дальнейшее духовное развитие и поиски третьего волхва Мельхиора, то если в начале главы он предстает перед нами юнцом, жаждущим власти, и амбициозным политиком, страдающим по поводу ее потери, то после ужасной исповеди Ирода, герой начинает осознавать всю никчемность обретения власти через страшную цену «смрадного месива пыток и кровосмешений», через цену подлости и предательства. «*Так, значит, это и есть власть?»* (1,175) – спрашивает себя Мельхиор, и автор, переадресовывающий этот вопрос читателю.

И вместе с тем каждый из волхвов разглядывает в трагической судьбе Ирода то, что больным вопросом отзывается и в его судьбе. Мельхиор, как мы уже отметили, увидел несбыточность идеальной власти. Бальтазар, всю жизнь пытающийся найти тождественность образа и подобия, увидел трагическую несопоставимость внешнего образа великого царя и его внутренней сути. А Каспар, страдающий из-за поисков истинной любви, ужасается от понимания, что Ирод не смог воссоединиться со своей беззаветно любимой женой, которую убил собственными руками.

Таким образом, Турнье с помощью фигуры царя Ирода удается на новом высоком философском и психологическом уровне вновь рассмотреть все уже поставленные ранее перед читателем вопросы, связанные с каждым

из волхвов в отдельности. При этом оставляя читателя один на один с собственным внутренним голосом и совестью, как будто приглашая его самому проделать тот же путь, в который отправились и волхвы. Интертекстуальность у Турнье выполняет метатекстовую функцию, т.е. писатель рассчитывает на активность читателя, способного преодолевать культурологические штампы, для более глубокого понимания, как истории так и сакрального текста Библии.

Литература:

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Напечатано в Финляндии, 1997.
2. Павловский А. Популярный библейский словарь. Книга для чтения. — М.: Панорама, 1994. – С. 189.
3. Томашевский Б. В. Пушкин читатель французских поэтов // пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова. М.; Пг., 1923. С. 210-213.
4. Турнье. М Каспар, Мельхиор и Бальтазар. – СПб.: Амфора, 2001.
5. Флавий Иосиф «Иудейские древности», перевод Г.Геннеля. Соч. в 20 книгах. – М.:1990.

Лютянский В.М.
Поморский государственный университет

ПОНЯТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Ключевые слова: художественная картина мира, модель мира, концепт

Аннотация: В статье рассмотрено такое явление как художественная картина мира, описано ее положение относительно других картин мира, проанализированы способы реализации художественной картины мира в языке.

В последние десятилетия проблема отображения в сознании человека целостной картины мира, фиксируемой языком, стала одним из важнейших вопросов когнитивной лингвистики.

Термин «картина мира» был введен в науку на рубеже XIX – XX веков Г. Герцелем и М. Планком, которые употребляли его по отношению к физической картине мира. С 60-х годов XX века проблема картины мира стала рассматриваться в рамках семиотики при изучении первичных